

В.В. СТАСОВ

картина Репина «Бурлаки на Волге»

Письмо к редактору
«С.-Петербургских ведомостей».

Милостивый государь! Кажется, вся наша публика перебивала на теперешней академической выставке, и, значит, успела оценить по достоинству отличное собрание художественных произведений, посылаемых нынче от нас в Вену на всемирную выставку. В самом деле, вряд ли когда-нибудь еще мы являлись в Европу с такими многочисленными образчиками русского художественного творчества. И наверное, Западная Европа еще с большим сочувствием, чем на прошлогодней лондонской выставке, признает нашу силу и теперешний могучий рост в деле художественном. Но срок академической выставки близится к концу, а наша публика еще не знает одного нового произведения, которое только что кончено, только что вынесено из мастерской художника в академические залы, и без сомнения принадлежит к числу лучшего, что до сих пор создано русским искусством с тех пор, как оно существует.

Это картина г. Репина: «Бурлаки на Волге». Уже года два тому назад картина эта пробывала несколько дней на выставке Общества поощрения художников и поразила всех, кто ее видел. Но она была тогда почти еще только эскизом. С тех пор громадные превращения произошли с нею. Почти все теперь в ней переделано или изменено, возвышено и усовершенствовано, так что прежнее создание просто ребенок против того, чем нынче сделалась картина. В короткое время художник созрел и возмужал, выкинул из юношеского вдохновения все, что еще в нем было незрелого или нетвердого, и явился теперь с картиною, с которою едва ли в состоянии помериться многое из всего, что до сих пор создано русским искусством.

Г-н Репин — реалист, как Гоголь, и столько же, как он, глубоко национален. Со смелостью, у нас беспремерною, он оставил и последние помыслы о чем-нибудь идеальном в искус-

**классика
русской мысли**

стве, и окунулся с головою во всю глубину народной жизни, народных интересов, народной шемящей действительности.

Взгляните только на «Бурлаков» г. Репина, и вы тотчас же принуждены будете сознаться, что подобного сюжета никто еще не смел брать у нас, и что подобной глубоко потрясающей картины из народной русской жизни вы еще не видели, даром что и этот сюжет, и эта задача уже давно стоят перед нами и нашими художниками. Но разве это не самое коренное свойство могучего таланта, увидеть и вложить в свое создание то, что правдиво и просто, и мимо чего проходят, не замечая, сотни и тысячи людей?

В картине г. Репина перед вами широкая, бесконечно раскинувшаяся Волга, словно млеющая и заснувшая под палящим июльским солнцем. Где-то вдали мелькает дымящийся пароход, ближе золотится тихо надувающийся парус бедного суденышка, а впереди, тяжело ступая по мокрому отмелю и отпечатывая следы своих лаптей на сыром песке, идет ватага бурлаков. Запрягшись в свои лямки и натягивая постромки длинной бичевы, идут в шаг эти одиннадцать человек, живая машина возовая, наклонив тела вперед и в такт раскачиваясь внутри своего хомута. Что за покорное стадо, что за кроткая бессознательная сила, и тут же – что за бедность, что за нищета.

Нет ни одной цельной рубахи на этих пожженных солнцем плечах, ни одной цельной шапки и картуза – всюду дыры и лохмотья, всюду онучи и тряпье.

Но не для того, чтобы разжалобить и вырвать гражданские вздохи, писал свою картину г. Репин: его поразили виденные типы и характеры, в «ем жива была потребность нарисовать далекую, неизвестную русскую жизнь, и о« сделал из своей картины такую сцену, для которой ровню сыщешь разве только в глубочайших созданиях Гоголя.

В этой ватаге бурлаков сошлись самые разнородные типы. Впереди выступают, словно пара могучих буйволов, главные, коренные. Это дремучие какие-то геркулесы, со всклоченной головой, бронзовой от солнца грудью и жилистыми, неподвижно висящими вниз руками. Что за взгляд неукротимых глаз, что за раздутые ноздри, что за чугунные мускулы! Тотчас позади них натягивает свою лямку, низко пригнувшись к земле, еще третий богатырь, тоже в лохмотьях и с волосами, перевязанными тряпкой: этот кажется всюду перебивал, во всех краях света отведаль жизни и попытал счастья, и сам стал похож на какого-то индейца или эфиопа. Тут же, за их спинами, немножко фальша и ухитрившись поменьше везти, идет отставной должно быть

солдат, высокий и жилистый, покуривая коротенькую люльку; позади всех, желтый как воск и иссохший старик; он страшно болен и изможден, и кажется немного дней остается ему прожить; он отвернул в сторону бедную свою голову и рукавом обтирает пот на лбу, пот слабости и безвыходной муки.

Вторую половину шествия составляют: крепкий, бодрый, коренастый старик; он прислонился плечом к соседу и, опустив голову, топчется на ходу набить свою трубочку из цветного кисета; за ним, отставной рыжий солдат, единственный человек изо всей компании обладающий сапогами и засунутыми туда суконными штанами, на плечах у него жилет с единственной болтающейся и сверкающей на солнце медной пуговицей: он суетливо и порывисто ведет свою работу и частит ногами; еще дальше, кто-то вроде бродячего грека, с чертами все еще наполовину античными; ему тут тошно и непривычно, он беспокойно поднимает свой все еще великолепный, несмотря на бесконечное мотовство жизни, античный профиль и широкими красивыми глазами озирается кругом. Последний тихо шагает, размахиваясь из стороны, в сторону, как маятник, быть может, наполовину в дремоте, и совершенно опустив голову на грудь, бедный лапотник, последний и отделившийся от всех.

И все это общество молчит: оно в глубоком безмолвии совершает свою волею службу. Один только шумит и задорно кипятится мальчик, в длинных белых космах и босиком, являющийся центром и шествия, и картины, и всего создания. Его яркая розовая рубашка раньше всего останавливает глаз зрителя на самой середине картины, а его быстрый сердитый взгляд, его своенравная, бранящаяся на всех, словно лающая фигурка, его сильные молодые руки, поправляющие на плечах мозолящую лямку — все это протест и оппозиция могучей молодости против безответной покорности возмужалых, сломленных привычкой и временем дикарей-геркулесов, шагающих вокруг него впереди и сзади.

Это шествие по раскаленному песку, под палящим солнцем, эти лапти, шлепающие по лужам, эти глаза, эти выражения оцепелости и полнейшей животной жизни, эти сверкающие краски природы и эти серые тоны унылых сермяг и потухших глаз — все это вместе дает такую картину, какой еще никто никогда у нас не делал.

По плану и по выражению своей картины,

Владимир Васильевич Стасов (1824-1906) - русский музыкальный и художественный критик, историк искусств и общественный деятель. С его помощью оформилось объединение композиторов, известное под именем, данным Стасовым, - Могучая кучка. В 1860-х гг. Стасов поддерживал «Товарищество передвижных выставок» - творческое объединение художников, куда входили П.А. Брюллов, И.Н. Крамской, И.Е. Репин, В.И. Суриков, И.И. Шишкин и др.

Критические статьи и монографии о знаменитых представителях русского искусства, а также обширная переписка с ними представляют величайший интерес для искусствоведов и широкого читателя.

И.С. Тургенев писал о Стасове: «Спорь с человеком умнее тебя: он тебя победит... но из самого твоего поражения ты можешь извлечь пользу для себя. Спорь с человеком ума равного: за кем бы ни оставалась победа, ты по крайней мере испытаешь удовольствие от борьбы. Спорь с человеком ума слабейшего: спорь не из желания победы, но ты можешь быть ему полезным. Спорь даже с глупцом! ни славы ни выгоды ты не добудешь... Но отчего иногда не позабавиться! Не спорь только с Владимиром Стасовым!»

г. Репин – значительный, могучий художник и мыслитель, но вместе с тем он владеет средствами своего искусства с такою силою, красотой и совершенством, как навряд ли кто-нибудь еще из русских художников. Каждая подробность его картины обдуманна и нарисована так, что вызывает долгое изучение и глубокую симпатию всякого, кто способен понимать истинное искусство, а колорит его изящен, поразителен и силен как разве только у одного или двух из всей породы наших столько вообще неколоритных живописцев. Поэтому нельзя не предвещать этому молодому художнику самую богатую художественную будущность.

1873 г.